

Хемингуэй Эрнест (1899–1961)

ПИСАТЕЛЬ И ВОЙНА (FASCISM IS A LIE)

Речь, произнесенная 4 июня 1937 года на Втором конгрессе американских писателей

«Нью мэссиз», 22 июня 1937 года, [источник](#)

Задача писателя неизменна. Сам он меняется, но задача его остается та же. Она всегда в том, чтобы писать правдиво и, поняв, в чем правда, выразить ее так, чтобы она вошла в сознание читателя частью его собственного опыта.

Нет ничего труднее этого, и трудностью задачи можно объяснить, почему награда, все равно, приходит ли она скоро или заставляет себя ждать, обычно очень велика. Если награда приходит скоро, это часто губит писателя. Если она заставляет себя ждать слишком долго, это очень часто озлобляет его. Иногда награда приходит лишь после смерти, и тогда ему уже все равно. Но именно потому, что писать правдивые, долговечные произведения так трудно, по-настоящему хороший писатель рано или поздно будет признан. Только романтики воображают, что на свете есть «неизвестные мастера».

Настоящий хороший писатель будет признан почти при всякой из существующих форм правления, которая для него терпима. Есть только одна политическая система, которая не может дать хороших писателей, и система эта — фашизм. Потому что фашизм — это ложь, изрекаемая бандитами. Писатель, который не хочет лгать, не может жить и работать при фашизме.

Фашизм — ложь, и потому он обречен на литературное бесплодие. И когда он уйдет в прошлое, у него не будет истории, кроме кровавой истории убийств, которая и сейчас всем известна и которую кое-кто из нас за последние несколько месяцев видел своими глазами.

Писатель, если он знает, из-за чего и как ведется война, привыкает к ней. Это — важное открытие. Просто поражаешься при мысли, что ты действительно привык к ней. Когда каждый день бываешь на фронте и видишь позиционную войну, маневренную войну, атаки и контратаки, все это имеет смысл, сколько бы людей мы ни теряли убитыми и ранеными, если знаешь, за что борются люди, и знаешь, что они борются разумно. Когда люди борются за освобождение своей родины от иностранных захватчиков и когда эти люди — твои друзья, и новые друзья и давнишние, и ты знаешь, как на них напали и как они боролись, вначале почти без оружия, то, глядя на их жизнь, и борьбу, и смерть, начинаешь понимать, что есть вещи и хуже войны. Трусость хуже, предательство хуже, эгоизм хуже.

В Мадриде мы, [военные корреспонденты](#), в прошлом месяце девятнадцать дней были свидетелями убийства. Совершала его германская артиллерия, и это было отлично организованное убийство.

Я сказал, что к войне привыкаешь. Если по-настоящему интересуешься военной наукой, — а это великая наука, — и вопросом о том, как ведут себя люди в моменты опасности, этим можно так увлечься, что одна мысль о собственной судьбе покажется гадким себялюбием.

Но к убийству привыкнуть нельзя. А мы в Мадриде девятнадцать дней подряд наблюдали массовое убийство.

Фашистские государства верят в тотальную войну. Это попросту значит, что, всякий раз как их бьют вооруженные силы, они вымещают свое поражение на мирных жителях. В эту войну, начиная с середины ноября 1936 года, их били в Западном Парке, били в Пардо, били в Карабанчеле, били на Хараме, били под Бриуэгой и под Кордовой. И всякий раз, после поражения на фронте, они спасают то, что почему-то зовут своей честью, убивая гражданское население.

Начав описывать все это, я вызвал бы у вас только тошноту. Может быть, я пробудил бы в вас ненависть. Но не это нам сейчас нужно. Нам нужно ясное понимание преступности фашизма и того, как с ним бороться. Мы должны понять, что эти убийства — всего лишь жесты бандита, опасного бандита — фашизма. А усмирить бандита можно только одним способом — крепко побив его. И фашистского бандита бьют сейчас в Испании, как сто тридцать лет назад на том же самом полуострове били Наполеона. Фашистские государства знают это и готовы на все. Италия знает, что ее солдаты не будут драться за пределами своей страны, и, несмотря на превосходное снаряжение, они не идут ни в какое сравнение с солдатами Народной испанской армии, не говоря уже о боях Интернациональных бригад.

Германия осознала, что она не может рассчитывать на Италию как на союзника в любой наступательной войне. Я недавно читал, что фон Бломберг [1] присутствовал на больших импозантных маневрах, которые устроил для нею маршал Бадольо [2]; но одно дело маневрировать на венецианской равнине, вдали от всякого противника, и совсем другое дело подвергнуться контрманевру и потерять три дивизии на плато между Бриуэгой и Триуэгой в боях с Одиннадцатой и Двенадцатой интербригадами и превосходными испанскими частями Листера, Кампесино и Мэра. Одно дело бомбардировать Альмерию и захватывать беззащитную Малагу, сданную в результате измены, и совсем другое дело положить семь тысяч под Кордовой и тридцать тысяч в безуспешных штурмах Мадрида.

Я начал говорить о том, как трудно писать хорошо и правдиво, и о том, что достигших этого мастерства неизбежно ждет награда. Но в военное время, — а мы живем в военное время, хотим мы того или нет, — награды откладываются на будущее. Писать правду о войне очень опасно, и очень опасно доискиваться правды. Я не знаю в точности, кто из американских писателей поехал в Испанию на поиски ее. Я знаю многих бойцов батальона имени Линкольна. Но это не писатели. Они пишут только письма. В Испанию поехало много английских писателей. Много немецких писателей. Много французских и голландских писателей. А когда человек едет на фронт искать правду, он может вместо нее найти смерть. Но если едут двенадцать, а возвращаются только двое — правда, которую они привезут с собой, будет действительно правдой, а не искаженными слухами, которые мы выдаем за историю. Стоит ли рисковать, чтобы найти эту правду, — об этом пусть судят сами писатели. Разумеется, много спокойнее проводить время в ученых диспутах на теоретические темы. И всегда найдутся новые ереси, и новые секты, и восхитительные экзотические учения, и романтические непонятые мэтры, — найдутся для тех, кто не хочет работать на пользу дела, в которое якобы верит, а хочет только спорить и отстаивать свои позиции, умело выбранные позиции, которые можно занимать без риска. Позиции, которые удерживают пишущей машинкой и укрепляют вечным пером. Но всякому писателю, захотевшему изучить войну, есть, и долго еще будет, куда поехать. Впереди у нас, по-видимому, много лет необъявленных войн. Писатели могут участвовать в них по-разному. Впоследствии, возможно, придут и награды. Но это не должно смущать писателей. Потому что наград еще долго не будет. И не стоит писателю особенно надеяться на них. Потому что, если он такой, как Ральф Фокс [3] и некоторые другие, его, возможно, не будет на месте, когда настанет время получать награду.

«Нью мэссиз», 22 июня 1937 г.

Примечания

1. Бломберг, Вернер Эдуард Фриц фон (1878—1946) — немецкий военачальник, активно поддерживавший политику Гитлера; с 1933 по 1938 г. был военным министром и главнокомандующим вооруженными силами Германии.

2. Бадольо, Пьетро (1871—1956) — итальянский военачальник; несмотря на неприятие фашизма и трения с Муссолини, при фашистском режиме занимал пост начальника генерального штаба; в 1940 г. отправлен в отставку; в 1943 г. после свержения Муссолини возглавил правительство и объявил о нейтралитете Италии.

3. *Фокс, Ральф (1900—1937) — английский писатель, историк, литературовед; убежденный коммунист (в 1930—1932 гг. он, выпускник Оксфорда, был сотрудником Института марксизма-ленинизма в Москве), во время гражданской войны в Испании сражался на стороне республиканцев, был политкомиссаром англо-ирландской роты интербригады; погиб в бою.*

Конец текста